

ЭТНОГРАФИЯ

С.А. Лугуев

**ОТГОЛОСКИ БЫЛОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ХРИСТИАНСТВА В ЛАКСКОЙ СРЕДЕ**

С периода раннего средневековья, примерно с IV в., христианство выступало в качестве государственной религии в Кавказской Албании (*Тревер К.В.*, 1959. С. 41), в состав которой входила и значительная часть территории и населения Дагестана (История Дагестана. 1967. С. 105; История Дагестана. 2000. С. 131). Распространение христианства здесь связано с миссионерской деятельностью албанской, армянской (главным образом через Юго-Восточный Дагестан) и грузинской церкви (преимущественно через Западный Дагестан и часть центральной Аварии) (*Шихсаидов А.Р.*, 1969. С. 108; 1999. С. 111). Центральный Дагестан, где проживали лакцы, подвергся христианизации в период Кавказской Албании, процесс этот продолжился, надо полагать, в хазарский период и постепенно сошел на нет под влиянием распространения ислама в сельджукский период (История Дагестана. 2000. С. 208–209).

Несмотря на многовековое господство ислама, следы былого распространения христианства остались в лакской среде до новейшего времени, рудиментарно проявляясь в виде пережиточных форм духовной культуры народа. Свидетельствует об этом, в частности, и наш полевой материал, собранный в селениях лакцев нынешнего Кулинского района.

Примерно до предвоенного времени женщины с. Хусрех, молодые и старые, собирались в осенне-зимний период для увеселительного времяпровождения «луртучИнну» (скорее всего от луртучИн – тайком, исподтишка). Девушки, подростки, юноши, мужчины на такие собрания не допускались. Это был род обычных, довольно распространенных в Дагестане, посиделок, куда женщины приходили с каким-либо рукодельем, варили горох, фасоль, кукурузу, морковь, картофель – все это в небольшом количестве каждая из женщин приносила с собой. Время проходило в работе, в коллективных угощениях, в веселых разговорах, пересудах, шутках, песнях. В отличие от прочих, на посиделках этого рода поздним вечером, за час–полтора перед тем, как разойтись по домам, устраивались танцы. Одна из пожилых женщин отбивала ладонями такт танца на подносе, на столе, годился для этих целей и медный таз, и проч. Она же, особым, приглушенным, хриплым голосом начинала напевать мелодию со специальными, только здесь, на таких собраниях, звучащими куплетами, остальные подхватывали, произнося слова на особый манер, протяжно, в нос. Через некоторое время в круг входила одна (реже две или три) женщина, наряженная мужчиной: в брюках, в папахе, с подрисованными сажей бородой и усами. К ней (или к ним) без приглашения присоединялось несколько женщин в обычной одежде. Исполнительница роли мужчины под веселый смех и шутки присутствующих довольно развязно обращалась со своими партнершами, обнимая за талию, как бы нечаянно задирая подолы их платьев, протягивая руки к интимным местам их тела и проч.

По сложившейся традиции и женщина, отбивающая ритм танца, и танцующие при этом должны были демонстрировать сосредоточенность, невозмутимость, не выдавая своего настроения ни улыбками, ни смехом, ни возмущением. Подобного рода исполнение танцев на зимних собраниях молодых вдов и девушек на выданье, получивших у части лакцев название «меххетГулли», описано А.Г. Булатовой, квалифицировавшей их как отголоски древних религиозно-магических обрядов (Булатова А.Г., 1988. С. 214; 2000. С. 231). Разновидность такого рода посиделок хусрехских женщин нас в данном случае заинтересовала тем, что в числе прочих здесь исполнялся «танцевальный» куплет следующего содержания: «БакІрайн кІссри – кьулайшиву (к голове пальцы – улучшение), цІунлякьлучан – сакиншиву (к пупку – животу – упорядоченность), урчІа хьачьрайн – узданшиву (к правому плечу – благородство), куя хьачьрайн – давлатшиву (к левому плечу – богатство)».

Последовательное исполнение движений пальцев руки в том порядке, который предусмотрен куплетом, образует ни что иное, как осенение крестным знаменем (перекреститься). Надо полагать, здесь мы имеем перед собой тот случай, когда активно проникавшая в лакскую среду христианская символика наложилась на более древний пласт идеологических представлений населения и дошла до последующих поколений в виде элемента досужно-игровой культуры.

До первых десятилетий XX в., в период между окончанием сенокосной страды и началом жатвы (где-то конец июля – начало августа), большая часть населения с. Цыйша в первой половине дня собиралась за селением. Женщины несли сюда из дома хлеб, сыр, вареное мясо и др. для коллективной трапезы. Здесь же резали барана, купленного на джамаатские средства. После коллективного моления под руководством представителя духовенства все садились за коллективное угощение. Мясо барана варилось тут же и поедалось, голова и шкура отдавались духовному лицу, все внутренности – одной из вдов. Во время коллективных молитв и обращений упоминалось и имя «Ильяс». К нему обращались с благодарностью за хороший укос, а также с просьбами, мольбами о благополучной и обильной жатве. Кости, оставшиеся от жертвенного барана, закапывались здесь же, неподалеку, с изъявлениями благодарности все тому же Ильясу. День этот так и назывался «Ильяслул кьини» – «Ильясов день». О хорошем, упитанном черном баране в обычной повседневности говорили: «Хорош баран, достоин «Ильясова дня». Обряд вызывания дождя, в одной из его многочисленных разновидностей, нередко проводился на этой же поляне, у большого валуна. В этом случае варили и раздавали смесь злаков, гороха, кукурузы и др., сдобренную сушеным мясом, и с мольбой о дожде обращались опять-таки к Ильясу: «Я, Ильяс, гьарал чІа!» (Ой, ты, Ильяс, дождя молим!).

Вполне, на наш взгляд, допустимо, что здесь мы имеем дело с отголосками некогда распространенного у лакцев праздника «Ильин день». Ильяс – пророк, персонаж Ветхого завета, чтился у христиан как святой, от которого зависели и урожайность полей, и обилие дождей. Примечательно, что празднование «Ильина дня» по христианскому календарю падает на 20 июля – 2 августа, т.е. на тот же примерно период окончания сенокоса и начала жатвы у лакцев.

Что касается сенокосной поры, то интересную информацию сообщил нам 80-летний Ибрагим Алиев из с. Сумбатль, нынешний житель г. Каспийка. У его односельчан был обычай принимать у себя гостей и навещать на угощение к родственникам, друзьям, соседям накануне начала сенокосной кампании. По

традиции, ко второй половине этого дня в домах готовилось обильное угощение, причем считалось приличествующим разнообразить стол всевозможными яствами местной кухни, а также медом, сметаной, яйцами, фруктами, овощами, сладостями и т.д. Совокупность всего этого обилия носила специальное наименование – «палла-пятри»: «палла-пятри дукан» – «угощаться палла-пятри». Об обильно накрытом в обычные дни столе говорили: «Каков стол, что за палла-пятри, неужели завтра начинается сенокос?». Иначе, обильное и разнообразное угощение со сладостями и фруктами ассоциировалось здесь с началом сенокоса и с понятием «палла-пятри». Невольно напрашивается такая параллель: 29 июня (12 июля) православные христиане отмечают Петров день, а точнее – Петра и Павла день. Это – первые апостолы, ученики Христа, проповедовавшие его учение. После многодневного поста к этому дню готовилось обильное угощение. На Руси этот день совпадал с началом сенокоса. Напрашивается предположение: лакское «палла-пятри» не представляет ли собой искаженное «Павел и Петр»?

В близи с. Хойхи, по рассказам местных старожилов, в урочище «Валиврат» (ущелье Вали) некогда (примерно до конца XIX в.) имелось каменное сооружение. Оно представляло собой сложенную без скрепляющего раствора тумбу, размерами у основания 1,5 x 1 м. и высотой до 0,5 м., накрытую поверху каменной плитой естественного происхождения и неправильной формы, размерами примерно 2 x 0,5 м.

Сооружение это носило наименование «аьналу», его значение никому не известно. По сохранившемуся преданию, сюда когда-то тайком приходили девушки округи (поодиночке, вечером, перед закатом солнца или утром, сразу же после его восхода). Обходя сооружение трижды, по часовой стрелке, с опущенными глазами, согнутыми в локтях руками и вытянутыми вперед ладонями, читая суры Корана, девушки просили у Бога удачного замужества. Местным населением подобные выходы девушек на «аьналу» осуждались.

В атрибутику Храма Господнего (церкви) христиан входит специальная подставка-аналой, на которую во время богослужения кладутся церковные книги, иконы, крест. Священник, освящая брачный союз, водит брачующуюся пару вокруг аналоя.

Возможно, что в нашем случае речь идет об остатках примитивного христианского святилища. Думается, уместно предположить, что в сознании местного населения и, в частности, девушек, сооружение «аьналу» (месторасположение которого точно определить нам так и не удалось) пережиточно связывалось с браком, с замужеством.

Вероучение ислама чтит Иисуса Христа как одного из пророков (пророк Иса, лакский вариант – Иса идовс) и Богородицу Марию как одну из святых, как мать пророка, покровительницу женщин. Следы их бывшего почитания в среде лакцев как персоналий православного христианства нередко прослеживаются в тех или иных традиционных ритуалах, в устном народном творчестве и др.

Перед пахотно-посевной кампаний (пахота и сев у горцев Дагестана совершались, как правило, одновременно) женщины с. Вихли до первых десятилетий XX в. проводили обряд «аьтIуртту» («плакания»). Для этого группа из бедных, увечных, больных женщин, от 7–8 до 15–20 человек, до восхода солнца поднималась на одну из вершин над селением. В состав группы могли входить также женщины, у которых кто-либо из членов семьи погиб, умер или был тяжело болен. С восходом солнца каждая из них с плачем, с рыданиями

разбрасывала принесенные с собой горсти пшеницы, ячменя, гороха, кукурузы, приговаривая вместе со всеми:

«Хъун-Мямахъал Аьбидатун,
Зуви-ПатИил Хамисатун,
Ярусаннал Ххадижатун.
Исал ниттин Марияннун»
[Дочери или члену тухума] Хъун-Мямма Абидат,
[Дочери] Зуви-ПатИи Хамисат,
Аварке Хадижат,
Матери Исы Мариян].

Подбор упоминаемых здесь имен наши информаторы объясняют так: Абидат была бесноватая-святая; Хадижат, родом из Андалала, вышла замуж за лакца и жила в одном из селений нынешнего Лакского района, была известна умением успокаивать боль и излечивать болезни прикосновением; Хамисат якобы унаследовала от своей матери дар предвидения; интересно при этом отметить, что приставка «Зуви» к имени собственному нам до этого нигде больше не встречалась: А.Г. Булатова упоминает Зуви как рудимент бывшего языческого культа (*Булатова А.Г.*, 1999. С. 172); наконец – прямое обращение к «Матери Исы Марии».

Вспомним, что Святая Мария, Богородица, Богоматерь у христиан выступала, кроме прочего, как покровительница урожая, покровительница женщин, откуда, может быть, и плачи, и моления, ущемленных в чем-то женщин, с именем Марии разбрасывавших зёрна накануне сева. Возможно, и в этом случае мы имеем дело с поздними напластованиями на древний языческий обряд жертвоприношения, умилостивления божеств или конкретного божества.

Пожилые женщины с. Цовкра-1 сообщают, что в дни празднования Дня первой борозды и Вечера весны (Навруз), кроме обычных поздравлений старших с праздником, дети нередко прибегали к краткому приветствию «Иса барча» – «Поздравляю с Исой». Думается, что и в этом случае есть возможность предполагать наличие глухих отголосков христианства, если вспомнить, что Благовещение – день вести о грядущем рождении Сына Божьего Иисуса Христа, праздника, отмечаемого православной церковью 7 апреля (25 марта), по времени приблизительно совпадает с днями названных традиционных праздников многих дагестанцев, лакцев, в том числе.

Через месяц после периода «цIа къаку зуруй» (т.е. «неназываемый месяц» – так у лакцев именовался девятый месяц возраста ребенка) – для девочек, и по истечении 45 дней после этого же периода – для мальчиков (эта сорокапятидневка называлась «ххярклий», «ххярк» – «ползком», «ползать») выполнялся обряд «ччаннай бацIу» – «вставание на ноги». Ребенок к этому времени мог на ноги еще не становиться, мог встать на ноги несколько раньше – для сроков исполнения обряда это значения не имело.

Близкие родственники ребенка по материнской линии во всеуслышание выговаривали (именно выговаривали, врястяжку, речитативом):

«Иса – идовсил сурат,
Марияннул нур-чани,
Чаннай авцIун ачайхту,
Арши чIаву буваннав».
(Исы – пророка образ,
Марии нимб – светоч,

Встав на ноги [как только] пойдешь
Счастья [чтоб] много было).

К этим же именам, как к именам святых, прибегали лакцы и в других ситуациях. Со слов наших информаторов, у жителей с. Кая и реже у жителей с. Хойми, хоть и редко, но все еще бытует поговорка, которая за пределами этой округи не встречается:

«Ва, Иса – тий, зума тий, Мариян – тий, леххав тий»
(«Ой, ты, Иса» – говоря, причитает,
«Мариян» – говоря, взывает)

Она употребляется тогда, когда хотят сказать, что кто-то пребывает в состоянии печали, жизненной неудовлетворенности, в горе.

Аштикулинские лакцы ряда селений (Цовкра, Цыйша, Сумбатль, Хойми, Кая, Кули и др.) еще в начале XX в., где-то до 20-х гг., отмечали дни наступления, прихода зимы. Отсчет шел от наиболее короткого дня года, примерно с 23–25 декабря, по 4–6 января. Дни эти были известны как «исул чун», «исул кьинирду», «исул гьантри» и воспринимались в народе как «время совы», «дни совы», «сутки совы». К тому времени этот календарный праздник носил молодежный характер, преимущественно детский и юношеский, отчасти девичий. Во второй половине первого дня праздника мальчики, подростки, парни, возглавляемые 2–3-я ряженными, с шумом, гамом, с прибаутками, шутками обходили хозяйства селения. Ряженные были в войлочных масках с прорезями для носа и глаз, с пришитыми к маскам тряпичными рогами, в шубах наизнанку, с длинными палками в руках. Один из них нес на длинной палке жгут сена – прошлогодней травы – «ису» (сова). У ворот или дверей хозяина дома процессия останавливалась, мальчики и подростки нараспев произносили традиционные благопожелания, адресуя их обитателям дома, ряженные молча кривлялись, «сражались» на палках, кувыркались, скакали на этих же палках и т.д. Хозяева выносили из дома хлеб, сыр, яйца, сушеное мясо, сухофрукты, орехи и прочее. Парни из процессии все это собирали в мешки. Обойдя селение, процессия выходила за его пределы, взбиралась на какую-либо возвышенность. Здесь, в разведенном большом костре, «ису» сжигали под выкрики, свист, хохот, шум всех участников процессии. После этого собранные в селении продукты сортировались и коллективно, без остатка съедались. Шутливая драка, борьба, гвалт, шум, после этого возобновлялись с новой силой. В селение компания возвращалась поздним вечером. Разбившись на партии, молодежь группами проводила остаток вечера и часть ночи дома у кого-либо, где веселье продолжалось. Расходились по домам под утро с тем, чтобы на следующий день все начать сначала – за исключением сжигания «ису» в костре.

Участие девушек в этом праздничном цикле ограничивалось ежевечерними девичниками и гаданиями. Гадали преимущественно на будущих супругов; девушки традиционно прибегали к нескольким разновидностям гаданий. По нашему мнению, здесь напрашивается следующая параллель.

Православная церковь в период с 25 декабря (7 января) по 6 января (19 января) в память о рождении Спасителя (Иисуса Христа) установила праздничные дни – Святки («Святые дни»). Тем самым церковь освятила древнейший славянский праздник, связанный с культом природы, к которому были приурочены религиозно-магические обряды, заклинания об урожае, о приплоде скота, гадания, ряженья и т.д. Представляется возможным, что проникшее в

лакскую среду христианство наложилось и в этом случае на соответствующий древний пласт местной духовной культуры. Номинация «Иса» (пророк Иса, т.е. Иисус Христос) в народном сознании со временем контаминировала в «ису» – сову – и может быть не без влияния мусульманского духовенства. Иначе говоря, возможно, что мы в описанном случае имеем дело с отголоском христианских Святок, некогда привитых миссионерами местному населению.

Возможно, что сюда же относятся и проклятие, и добропожелание с упоминанием номинации «исват» – предположительно-искаженного «святки»: «АцІния кІирагу исватрал кьини хІаран хьуннав!» – «Да будут для тебя неблагоприятными все двенадцать дней исват!», или: «АцІния кІивагу исватрал неьматрайн укканав!» – «Да будешь отмечен двенадцатью благодатями исват!». Сами жители с. Кани, где нами эти выражения записаны, даже приблизительно не могут дать толкование приведенной номинации, предполагая, что это, скорее всего, какой-то арабизм. Может быть и так. Но уж очень схожи между собой изначальная и видоизменившаяся (кстати сказать, по всем фонетическим нормам лакского произношения) формы слова. Не случайно здесь, скорее всего, и число 12 (в сугубо местной, лакской традиции должно бы фигурировать 7, 9, 10): Святки, Святые дни у христиан длились ведь именно 12 дней.

По нашим полевым материалам в с. Сумбатль где-то до конца XIX в. проживал некто Абдулгамид, известный в местной среде как искусный лекарь. В частности, он излечивал болезни «дьяркуу шаву», «ссатиржан шаву», т.е. прострелы, радикулиты и прочие. Лечил он эти болезни, главным образом, массажами, растираниями больного сустава, органа руками (сухими или смазанными жиром, курдюком, маслом). Кроме чтения коротких мусульманских молитв он иногда, в частности, приговаривал: «Я, Раппаил, я, Джабраил, я, Минкаил». В этой формуле мы опять-таки склонны видеть былое влияние христианства.

Христианская церковь чтит имена трех старших архангелов: Михаила, Гавриила и Рафаила (именно в этом порядке). Первый из них – это хранитель всех верующих во Христа. Гавриил – это архангел, принесший весть Святой Марии о грядущем рождении Христа (откуда, собственно, и «Благовещение»). Рафаил же – это ангел-исцелитель.

Думается, что в приведенном нами знахарском наговоре имя третьего из архангелов произносилось первым не случайно: речь ведь шла об исцелении.

В с. Цущар нами записана удивительная считалка, к которой дети давно уже не прибегают. Звучит она так:

«Варпаламал-симан-патри,
Зайнал-парал-пилал-матри,
Паммарал-гьан-якъу-златри,
Андил-юдил-вассалам!»

Есть основания полагать, что в этой кажущейся бессмыслице, в случайном наборе слов и звуков, перечислены (в несколько искаженном виде) имена двенадцати христианских апостолов, примерно так:

Варфоломей, Симон, Петр,
Зилот, Фаддей, Филипп, Матфей,
Фома, Иоан, Иаков, – ?
Андрей, Иуда – [вассалам].

В Новом завете названы апостолами двенадцать ближайших учеников

Иисуса: Симон (Петр), Андрей, Варфоломей, Иоанн, Матфей, Симон Зилот (он же Симон Кананит), Фаддей (или Иуда, сын Иакова), Филипп, Фома, Иаков (сын Алфея), Иаков (сын Заведя) и брат Иоанна-Иуда Искарот.

На слух считалка воспринимается как нечто местное, лакское. Кроме соответствующего фонетического звучания, такому восприятию способствует кажущееся наличие в ней слов лакского языка: «симан» – лик, «Зейнал», «Якью» – имена, «пара» – навоз, «памма» – вата, «гъан» – вино, «анди», «аьнди» – андийцы и др.

Итак, проникшее в лакскую среду, как представляется, в раннем средневековье христианство не закрепилось здесь и постепенно, где-то примерно к послемонгольскому периоду, было вытеснено исламом. Тем не менее, влияние распространения этой монотеистической религии в местной языческой среде было достаточно сильным, о чем, в частности, говорят рудименты христианства в глубинах различных форм традиционной духовной культуры и общественного быта, в осколочном виде сохранившиеся вплоть до начала XX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.

Булатова А.Г., 1988. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начало XX века. Л.

Булатова А.Г., 1999. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.

Булатова А.Г., 2000. Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX века). Махачкала.

История Дагестана: В 4-х томах. 1967. М. Т. 1.

История Дагестана с древнейших времен до начала XX века. 2000. М.

Шихсаидов А.Р., 1969. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV века). Махачкала.

Шихсаидов А.Р., 1999. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. № 4.